

Искусство (юридической) науки

Александр Иванович Бойко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bai-53@mail.ru

Аннотация. В рамках общественного разделения труда и с учётом места государственной юриспруденции среди других нормативных систем, призванных регулировать социальную жизнь, парламентарии создают правила поведения, рассчитанные только на типовые ситуации и среднестатистических граждан, а правоприменители вынуждены применять таковые шаблоны к индивидуальным случаям и конкретным людям. Тем самым реакция властей получается заведомо неточной и потому несправедливой. Её корректируют с помощью различных средств, но самое деликатное и действенное – облагораживание бесчувственного казённого права с помощью технологий и предельных ориентаций искусства как высшего пласта культуры – почти не культивируется. Выправить ситуацию могут и должны именно учёные, ежедневно занятые свободным умственным трудом и непричастные к правотворчеству и разбирательству юридических конфликтов.

В статье аргументирована потребность выполнения данной духовной повинности правоведами. В ней: показана связь привлекательности юриспруденции с современными тенденциями в культуре и искусстве, определены их содержание, различия и каналы коммуникаций друг с другом, на базе чего выдвинуты предположения о принципиальной совместимости науки и искусства, о преимущественной потребности науки в искусстве, но не наоборот, а также представлены аргументы «за» и «против» движения права к прекрасному.

Центральным фрагментом статьи объявлен вопрос о том, какие идеалы, инструментарий и практика искусства могут повлиять на одухотворение правовой мысли. Автор классифицирует универсальные установки, частные технологии, мотивы стремления к изяществу и способы гигиены искусства на 3 разряда – личные позывы к творчеству, предельные социально-культурные ориентации служителей муз и механизмы рукотворного поддержания ими одухотворённости, показывает пути проникновения эстетики в юриспруденцию, а также приводит имена и работы представителей уголовно-правовой науки, анализирующих культурологические основы отрасли и занимающихся её одухотворением.

На суд читателей представлены меры по повышению эстетической привлекательности юридической науки и приводится выводное знание, квинтэссенцией которого является мысль, что осмысленный выход за рамки банальностей и практицизма не противен логике правовой науки и её местоположению в общественной системе разделения труда, предполагает индивидуальность мыслящего учёного, стремится к идеальному и отличается изяществом, представляет особую ценность познавательной активности для профессионалов и социума.

Ключевые слова: знание, идеал, изящество, искусство, классика, культура, модернизм, музы, наука, правоведение, прекрасное, сциентизм, творчество, технологии, юриспруденция

Для цитирования: Бойко А. И. Искусство (юридической) науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 22–38. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-22-38>. EDN YGSATV

The art of (legal) science

Alexander I. Boiko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bai-53@mail.ru

Abstract. Within the framework of the social division of labor and the place of state jurisprudence among other regulatory systems designed to regulate social life, parliamentarians create rules of conduct designed only for typical situations and average citizens, and law enforcement officers are forced to apply such templates to individual cases and specific people. Thus, the reaction of the authorities turns out to be deliberately inaccurate and therefore unfair. It is corrected by various means, but the most delicate and effective – the ennobling of insensitive state law with the help of technology and extreme orientations of art as the highest layer of culture – is almost not cultivated. It is scientists who can and should correct the situation, who are engaged in free mental work every day and are not involved in law-making and the settlement of legal conflicts.

The article argues for the need for legal scholars to perform this spiritual duty. It shows the connection of the attractiveness of jurisprudence with modern trends in culture and art, defines their content, differences and channels of communication with each other, on the basis of which assumptions are made about the fundamental compatibility of science and art, about the predominant need of science in art, but not vice versa, and also presents arguments for and against" the movement of law towards the beautiful. The central fragment of the article is the question of what ideals, tools and practice of art can influence the spiritualization of legal thought. The author classifies universal attitudes, private technologies, motives for striving for elegance and ways of hygiene of art into 3 categories – personal urges to creativity, the ultimate socio-cultural orientations of the servants of the muses and the mechanisms of man-made maintenance of spirituality by them, shows the ways of penetration of aesthetics into jurisprudence, and also gives the names and works of representatives of criminal law science analyzing cultural fundamentals of the industry and those engaged in its spiritualization.

Measures to increase the aesthetic appeal of legal science are presented to the readers and deductive knowledge is presented, the quintessence of which is the idea that a meaningful way beyond the platitudes and practicality is not contrary to the logic of legal science and its location in the social system of division of labor, assumes the individuality of a thinking scientist, strives for the ideal, is distinguished by elegance, is of particular value to cognitive activity for professionals and society.

Keywords: knowledge, ideal, grace, art, classics, culture, modernism, muses, science, jurisprudence, beauty, scientism, technology, creativity

For citation: Boiko A. I. The art of (legal) science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):22–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-2-22-38>. EDN YGSATV

Пролог. На заседании Клуба моральных наук в Кембридже в середине прошлого века между философами Карлом Поппером и Людвигом Витгенштейном разгорелся нешуточный спор о том, является ли возникший вопрос настоящей проблемой или только головоломкой для развлечений. Что за тема «Искусство науки», чем она вызвана и подкреплена, можно ли считать её злободневной, куда поведёт автор читателей¹? Или по завершении знакомства со статьёй они посчитают, что имели дело с продуктом возрастных фантазий подержанного профессора. Почему он, отраслевик из последних по технологии юридического управления отраслей знания, вызвался рассуждать о такой высокой материи? Пересекается ли вообще

¹ Один чиновник в изложении бунтаря Отечества «заводил в лес, откуда без **МОЛИТВЫ** выйти нельзя» ([1, с. 233]).

и как преимущественно «творческое» искусство, обязательно выражающее субъективные ощущения и представления автора, с сугубо рациональной, толерантной, безвкусной правовой наукой? На эти вопросы постараюсь представить если не полнокровные ответы, то хотя бы видение их контурных вариантов. В целом же буду исходить из того, что **стремление к прекрасному присуще всем слоям общества и неуничтожимо, а удовлетворяют эти страстные порывы в основном и наиболее привлекательно мастера искусств.**

Моя землячка Фаина Раневская по какому-то поводу высказалась, что она родилась «в ту эпоху, когда в моде были *искусные* (курсив наш – А.Б.) дамские обмороки». Продолжение приведённых слов великой актрисы ныне видится таким: в гусарском XIX веке талантливая демонстрация кратковременной потери сознания отечественными барышнями воспринималась российскими джентльменами, отчётливо понимающими картинность женского недомогания как кокетство и хитрость, как сигнал к *галантному* состраданию с последующим натиском на запретные плоды. Но в Отечество явился революционный XX век, гегемон которого не владел салонной деликатностью, зато на своём уровне пролагал дорогу к будущему гендерному равенству демократического Запада¹. На что та же Раневская в свойственной ей и созвучной новым временам манере отозвалась так: «Поклонников-то миллион, а в аптеку сходить некому».

Это я к тому, что сам рождён и вырос в эпоху, когда натурализм в искусстве и вообще в культуре привёл в итоге к господству выдержанной классики и зажиму модерна, преимущественно иноземного, к мотивированию и администрированию творчества методом пропуска в публичный прокат лишь тех творений, которые могли быть поняты обывателем или производимым большинством населения и не станут причиной девиантного поведения масс. А ныне настали иные времена, когда песенных ремейков больше их прародителей, когда «фанера» вытеснила живые трансляции, когда тысячи хохмачей и юродивых тачают на сценах низкопробный юмор, когда зрителей эстрады потчуют самоназванными хитами, представляющими собой соитие безголосых певцов либо певичек с толпой полуобнажённых танцоров противоположного пола, изображающих страсть с явными элементами похоти, когда самое эфирное время национального телевидения отдано для многочасовых разбирательств пакостей исключительно в русских семьях, а на 4-й и 5-й кнопках демонстрируется преимущественно детективное «мыло», когда практически все спортивные соревнования именуются национальными комментаторами «дерби» или конскими скачками, когда время заграничных предсезонных сборов наших футбольных клубов тратится на разработку и тренировку коллективных поцелуев с братанием в стиле «куча мала» и прочих форм эксклюзивного рекламного экстаза по поводу случайно забитого гола в ворота соперника... Когда и т.д., когда и т.п., когда и прочее. А в такой духовной атмосфере, когда даже культура в упадке и искусство хромает, то быть с изъясными социальным наукам сам Бог повелел. Ведь «и на Солнце бывают пятна, и архиерей чихает».

Столько строк потрачено нами на изложение своеобразия нынешней попсовой культуры и, частично, искусства единственно для того, чтобы подкрепить болезненность темы и обложить её следующими мятежными вопросами: а нужно ли защищать в юридическом, особенно в уголовно-правовом порядке такую, с позволения сказать, культуру; а стоит ли правоведению ориентироваться на высоты искусства и какой инструментарий ваятелей прекрасного могли бы задействовать в своём промысле мы, специалисты по организации коллективной жизни на основании безвкусных шаблонов или типовых норм? На первый вопрос я, в силу своих возможностей, уже ответил и желающие в состоянии лично ознакомиться с моими доводами в вышедшей публикации [3]. А потому к этой стороне смычки искусства и права больше возвращаться не будем. Остаются вопросы о пригодности гуманитарного

¹ Кто не верит, может по моей подсказке обратить внимание на стилистику литературного певца эпохи формирующейся пролетарской культуры, связывающего длинное повествование единственным глаголом «говорит», а венцом намеренных упрощений бытописания о взаимоотношениях полов следует считать его рассказ «Аристократка» ([2, с. 472–476]).

(юридического) подвоя для прививки искусством, о квалификации агронома (автора статьи и последователей), о видах на прирост более качественного для пользователей урожая. Мы обязательно попытаемся ответить на них, но позже (ниже).

Мысль о необходимости обращения современных отечественных юристов к запасникам и технологиям культуры и искусства явилась ко мне не вчера и не на эмоциональной подушке. Около 15 лет назад я даже разработал устав интеллектуального клуба «Искусство науки» и отложил задуманное на антресоли памяти до осени 2022 года. С 30 сентября того года по 16 мая 2023 года вместе с руководимой кафедрой уголовно-правовых дисциплин мы попытались поднять культурный фон отраслевой юридической мысли посредством организации и проведения 3-х всероссийских круглых столов с международным участием, последовательно посвящённых языку уголовного закона, личности в науке и уголовному праву как феномену культуры. А теперь вот покушаюсь на высший пласт культуры – искусство с тем, чтобы обсудить допустимость использования его идеалов, вкусов и технологий для оживления и очеловечивания правоведения.

По сути или о содержании предлагаемых к сочетанию культовых фрагментов общества. По привычным и в подавляющем большинстве случаев не порицаемым канонам исследований они начинаются с краткой определённости содержания тех явлений или понятий, возможности и полезность взаимодействия которых предстоит оценивать.

Что же представляет собою то, что лишь понимается как **искусство** или действительно является таковым? Справочно или на энциклопедическом уровне оно трактуется как «осмысление, воспроизводство и преобразование действительности в художественных образах», «удовлетворение любви человека к прекрасному» и «доставление ему эстетического удовольствия», как «часть духовной культуры человечества». Специально заметим, что в XIX веке произошла дифференциация искусства на т.н. «прикладное» (ремесло, народные промыслы) и «настоящее» (изящное или классическое). Разумеется, желанную (привлекательную по содержанию и слогу) юридическую науку следует развивать, сопоставлять и оценивать в русле *классического* профессионального искусства.

Поясняем, почему: а) в эпохи глубинных реформ визгливое креативное меньшинство подавляет своим напором молчаливое инертное большинство населения, отчего классика в культуре и искусстве уступает своё верховенство новаторству, что выражается в охаивании и перелицевании театральных, литературных, музыкальных, архитектурных, балетных, киношных шедевров прошлого толпой продюсеров, сценаристов, постановщиков и режиссёров модернистского толка. В этом мутном нашествии «обновленческого» андеграунда вспоминаются горькие и пророческие для современности слова из давнего письма Долженко → Юткевичу: «Серёга, как жаль, что матери многих наших режиссёров вовремя не сделали себе аборт!»; предупреждение К.С. Станиславского, что по нотам нужно играть и «Боже, царя храни», и «Интернационал»; общеизвестный планетарный завет «глупцы не чужды вдохновения», которым Е. Баратынский даже нарёк своё стихотворение.

Наука же есть сфера человеческой деятельности, занимающаяся познанием окружающего мира и человека, систематизацией полученных сведений, объяснением происходящих процессов с целью постижения истины. Она бесстрастно изучает действительность с представлением акцентированного выводного знания, правил его реализации в практике и прогнозов эволюции, а искусство олицетворяет видение художниками слова, кисти, резца, смычка и т.д. не всей, а лишь отдельных фрагментов действительности, причём в запоминающейся привлекательной форме и с делегированием потребителю творчества права самостоятельно судить, что прекрасно и достойно преклонения, а что подлежит отвержению. Бог науки – это строгий разум, а искусства – самолюбивые чувства, цель науки – истина, а искусства – прекрасное, наука ставит на рациональное сознание, а искусство – на вольные эмоции, наука жизнь изучает, а искусство – её показывает.

На этой основе состоятельны два предположения: *первое* – совместимость науки и искусства, ведь предмет отражения у них один, а различие подходов и методов к нему есть

свидетельство все(разно)сторонности, которая ни в одной области пока не опозорилась; *второе* – существует преимущественная потребность науки в искусстве, но не наоборот – ведь поэты, художники, музыканты не нуждаются в знании аксиоматических закономерностей природы и человечества, а аскетичной науке потребны привлекательные приёмы сбыта продуктов своего труда. Вот и прибегают правофланговые сциентизма к публицистике, творческим эссе, откровенным мемуарам, освобожденным от тягомотных формул, аргументов, цитат и сравнений. Таковы правила маркетинга в социуме, особенно потребительском: ежели твой полезный, технологичный и доступный по цене для потенциального потребителя «товар» выглядит непрезентабельно, вызывая не упакован и не снабжён наглой рекламой, лежать ему на пыльном складе. Однако принципиальной совместимости предмета внимания искусников и юристов, а равно правил хищного рынка может быть и недостаточно для увлечения правоведов другой, пусть и более привлекательной системой восприятия и оценки жизни. Помните отечественный, непотопляемый, в исполнении большинства искренний, у кого-то ироничный выкрик XIX века: *«нам конституции не надо! Мы и без них проживём!»*. Посему предложение о заимствовании юристами хотя бы части сервировки и гигиены труда служителей муз требует продолжения начатого разговора – о дифференциации человеческих знаний и различиях их анклавов, профессиональной расположенности правоведения к прекрасному и современном непритязательном состоянии юридической мысли, её речевой и текстовой форм.

Объёмы и структурирование сциентизма эволюционируют, как и в искусстве. Воздействие научно-технического прогресса, постоянно усложняющихся сфер быта и досуга, стремительно увеличивающегося континуума информации и дифференциации трудовой деятельности человека привели к тому, что одним из доминирующих каналов развития знания стала специализация. Вначале, по критерию предмета анализа наука разделилась на два базовых лагеря – *естествознание* (природа) и *обществознание* (социум), а позже на пограничье объявился отряд *научоведов*, сравнивающих достоинства и преимущества этих двух гигантских анклавов знания.

По итогам компаративистского труда науковедов термин «science» ныне адресуется только естественным знаниям, а гуманитарное знание стало ассоциироваться с набором остроумных, но безрезультатных слов, с пригодностью только для классификаторских построений и ценностных суждений, со способностями описывать уже случившиеся события вместо их прогнозирования, даже с продажностью. Приводятся и доводы для подобного унижительного приговора: а) гуманитарий (в том числе и юрист) включён в исследуемый объект и потому заведомо пристрастен; б) у общественных наук нет постоянно работающей экспериментальной базы как обязательного условия надёжности исследований и доказательства практической приемлемости их итогов; в) правящий класс всегда и с помощью постоянно множасьихся способов результативно «мотивирует» именно обществоведов к выбору «нужных» проблем, «глубине» их проработки и, особенно, к «правильным» выводам – в целях расширения веры в справедливость установившихся при нём порядков [4, с. 529–534].

Негатива добавляют и лидеры мирового естествознания, которые: иронично классифицируют науки на естественные, неестественные и противоестественные (*Л. Ландау*); призывают верить лишь в то, что можно измерить, но не торжественно объявить (*М. Планк*); все отрасли мысли в отличие от физики называют простым собиранием марок (*Э. Резерфорд*). Если это так, то нам или следует жить надеждой на перспективу прибыльного синтеза естествоиспытателей и гуманитариев, покинувших ещё в античную эпоху общий родительский дом – натурфилософию, что пророчествуют современные организаторы науки¹, или настоящее искусство с его технологиями и притягательностью нам не по зубам и наш удел – ремесленничество?

¹ См., напр.: *Михаил Ковальчук* рассказал о слиянии наук в современном мире // Интервью газете «Известия» https://life.ru/t/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%8B/985446/avtory_for_honor_blokiruiut_polzovatieliei_zh_otkaz_ighrat (дата обращения – 15.03.17).

Думается, не всё так печально. Существует множество аргументов не только «против», но и «в пользу» стремления гуманитарного знания к искусности.

Препоны привлекательности отраслевой юриспруденции таковы:

а) *объективные* – право является типовым (шаблонным) орудием управления, и с этим ничего не поделать; допущенное государством поголовное юридическое образование, за которым безальтернативно последовало повальное остепенение целой когорты людей, которые «больше написали, чем прочитали», напроочь исключает появление в России новых гениев ранга А.Ф. Кони; громадное имущественное расслоение по итогам криминальной приватизации породило атомизацию населения, что вкупе с «культурой потребления» привело к духовному растлению общества¹ и оскудению социальной привлекательности юриспруденции;

б) *субъективные* – упоение обманчивым политическим либерализмом вместо прежнего пользования невинным просветительством; вторая «смерть» крылатой латыни (знания и свободного пользования языком и речью древних кудесников права)²; организованный «свыше» пропуск во «внутренние» (национальные, этнические, коммунальные) покои протестантского эгоизма или духовной отравы (приоритет личного интереса над общественным, прославление прав и свобод при забвении обязанностей) подарил нам юридическую пандемию и отраслевую автаркию, канцеляризм духа и мысли; принуждённое жить с одним «источником разума» (текстом УК РФ) уголовное право стало пользоваться только аксиомами и практически игнорирует презумпции – эти «почки роста» свежего и потому привлекательного знания...

Сомнения относительно допустимости и полезности обращения юриспруденции к эстетике различных сфер искусства связаны и с тем, что искусство как образец для подражания наукой подвержено колебаниям от расцвета до упадка и наоборот. Декаданс, безверие и разочарования поражают его в эпохи глобальных реформ и обличения национального прошлого, когда общественную сцену оккупируют шарлатаны разных мастей, наблюдаются процессы надругательства над реализмом, отторжения проверенной классики с подменой её низко-сортным футуризмом. Наша страна как раз переживает (в который уже раз!) такое «мутное» время – сейчас покажем это, а впереди ведь ещё афтершоки:

а) в письмах Г.И. Успенского XIX века, посвящённых впечатлениям от посещения вернисажей новых художников Европы в Лувре, Люксембурге и других «культурных» городах континента, отмечалось: «везде... есть целые сотни венер, т.е. голых баб в разных видах для стариков, и я заметил, что, кроме известного впечатления, в них нет другой мысли;

¹ Вот слова исповеди совести отечественного актёрского цеха, недавно ушедшего из жизни *Юрия Мефодьевича Соломина* из его «Морали века»: С заботы «о следующем поколении начинается воспитание любви к Родине – когда ты чувствуешь заботу Родины о себе. А сейчас я слушаю все эти рассуждения – платное образование, элитные школы... Я вообще не понимаю, что это такое – элитные ученики. Что такое элитные собаки или лошади – понимаю. А элитных людей не знаю – знаю образованных. Интеллигентных знаю. Попытка заместить один класс другим – интеллигенцию на элиту, степень элитарности которой определяется уровнем их дохода, – рождает расслоение, а с ним одичание душ, которое мы получили» (Горечь фраз Юрия Соломина про то, что происходит с Россией // <https://zen.yandex.ru/media/kitch/gorech-fraz-iurii-solomina-pro-to-chto-proishodit-s-rossiei-600e848a10f02c6bc248d238> (дата обращения – 31.01.21)).

² Моё поколение знавало, ценило и помнит профессора *Митрофана Ивановича Ковалёва* – патриарха национального правоведения из Свердловска/Екатеринбурга, по моим сведениям единственного юриста страны, свободно говорившего на забытой латыни – представителя раритетного искусства отрасли. Приятно сознавать, что его ископаемая способность высказываться на юридическом эсперанто отмечена мною в предисловии к монографии «Римское и современное уголовное право», а условием появления на свет нашей книги «Преступное бездействие» было выставлено опубликование в ней направленной в издательство рецензии М.И. Ковалёва, умершего накануне выхода монографии из печати, что не принято.

одна прикрывается рукою, другая лежит спиной, третья поджав ноги, четвёртая спит навзничь, – словом, бездна... Когда я смотрел всю эту мерзость запустения, мне вдруг необыкновенно полюбилась Венера Милосская, которую я, признаться, видел, но не понял сначала. Какое сравнение с этими, не имеющими мысли, женскими телами и той: та, старая, чуть не развалившаяся статуя, с попорченной щекой, с прогнившими в алебастре щелями от ветхости, с обломанными руками,... с лицом, полным ума глубокого, скромная, мужественная, мать, словом идеал женщины, который должен быть в жизни, – вот бы защитникам женского вопроса смотреть на неё. Она вся закрыта, – у неё видны – лицо, грудь и часть бёдер, но это действительно такое лекарство, особенно лицо, от всего гадкого, что есть на душе, – что не знаю, какое есть ещё другое?» [5, с. 111];

б) великий русский писатель и «обмирщённый философ» (Л.Н. Толстой), наблюдая за закатом литературы «серебряного века», взял на себя функции арбитра и написал: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розги» [6, с. 54], а в другом случае презрительно отозвался о буйно развивающейся «однодневной литературе» или журналистике так: «перестал читать газеты и даже во рту стало приятнее». Бедный Лев Николаевич! Он даже с помощью галлюцинаций не мог предвидеть будущего проигрыша профессиональной журналистики блогерам и соцсетям, но более всего – рекламного терроризма, в обстановке которого мы ныне живём. Всепроникающая навязчиваемая реклама в сочетании с требованиями передачи личных данных в общий котёл сведений о населении многих смущает до тех пределов, что при посещении домашнего унитаза они пристально осматривают его из опасений встречи с «нечто», предлагающим до реализации цели визита срочно и выгодно купить «Густой доместос» либо требующего Справку об отсутствии судимости;

в) но всё это меркнет на фоне массового участия народных и заслуженных артистов СССР и России в прославлении банков, сетевых маркетов, экзотических видов спорта и прочего. Наблюдая за их отдачей в статусе главных героев рекламных роликов, нужно признать эти роли пиковыми в карьере творцов прекрасного, второй и более удачной жизнью в искусстве. Тут на память приходит ехидство Ф.Г. Раневской: в конце пятидесятих годов, когда артистов московских театров ещё развозили по домам одним ведомственным автобусом, один из коллег громко испустил воздух из желудка, на что Фаина Георгиевна моментально отреагировала словами о том, что «второе дыхание, к сожалению, открылось с большим историческим опозданием, т.е. после спектакля»;

г) в безграничных и даже авантюрных поисках своего «я» в искусстве, модернисты всех эпох идут на откровенный разрыв с классикой, заявляют о необходимости решительного отказа от природных пропорций и прочих закономерностей. Всего два примера: 1) почти тридцать пять лет назад во время посещения нью-йоркского «The Metropolitan Museum of Art» автору статьи «посчастливилось» лично наблюдать стадно-показушный (с победным поглядыванием на экскурсантов из других стран) экстаз азиатских туристов, неистово катающихся, а затем отрешённо лежащих на полу перед одним из вариантов «Чёрного квадрата» К. Малевича. Спаси и сохрани моих соплеменников от повторений подобного циркового катарсиса! С момента появления данной картины толпы искусствоведов прокармливаются возле неё, находя в ней множество цветовых оттенков и торжествуя от данного впечатления, а ещё увязывая «прямоугольник» с новым непревзойдённым течением в искусстве – супрематизмом, олицетворяющим дерзкий отказ от природной предметности и формы в угоду бесшабашному футуризму и авангардизму. Насчёт искусства и непревзойдённости «Чёрного квадрата» зело сомневаемся. Ведь если какую-то фигуру на прямоугольном полотне оклеить малярной лентой, то любой примат замажет лапой внутреннее пространство краской любого цвета и тем повторит фокус Малевича. Нам же представляется, что в данном случае Казимир Северинович употребил гениальный трюк, завуалированный намёк для потомков, насмешливо замаскировал прогноз предстоящего их поклонения перед продуктом его намеренного издевательства над искусством. Художник-то знал, что творит, ибо был осведомлён о нашем

туземном восхищении любым импортом и любым разрывом с классикой. Причём только в крайней и бескомпромиссной форме, лишь бы покруче; 2) второй «шедевр» искусства – картина норвежского экспрессиониста Эдварда Мунка «Крик», которую называют «Моной Лизой» нового времени по той причине, что она олицетворила огромный сдвиг в западной культуре на пороге XX века, когда прежняя стабильность сменилась тотальной неуверенностью, когда человечество отвернулось от Бога, традиций и обычаев, когда на место восторженного Ренессанса пришла континентальная паника. На наш взгляд, «Крик» Мунка имеет своим адресатом и приводит в экстаз виктимных по отношению к поддельному искусству граждан, предназначенных для стадного поклонения чужим, часто болезненным впечатлениям и переживаниям. Согласимся, что замысел выразить с помощью кисти критическое состояние души человека не плох, но выполнен он на уровне первокурсника училища искусств;

д) ну и «вишенка на торте», претендующая на титул шедевра музыкального искусства, выполнена три месяца назад во время конкурса «новаторов», организованного главным каналом федерального ТВ Германии. Относительно молодая и почти голая немка сыграла на сцене небольшую сюиту посредством дудки, вложенной в гениталии. Зрители огромного зала и целая галерея экспертов, составляющих жюри, впали в экстаз. Я думаю, одних таких «шедевров искусства» достаточно для начала СВО против экспорта с Запада подобных «демократических ценностей».

Законный вопрос: а стоит ли отраслевым наукам ориентироваться на такое вот искусство? Ответу суконным языком современной социологии – *скорее нет, чем да*; классика ведь остаётся и её пока не запрещают. Разочарование прошлым и отчуждение от него на уровне искусства не может длиться вечно; увлечение масс дурным и безвкусицей схлынет так же стремительно, как и нагрянуло на обывателей. А диалектика и мораль для нас такова: перманентное падение уровня классического искусства служит шансом для повышения духовной привлекательности низшей по статусу казённой юриспруденции (по правилу «на безрыбье и рак – рыба»).

Аргументы за окультуривание юридической науки искусством: а) аксиологическая теория критериями ценности всех и любых природных и социальных объектов, процессов и явлений почитает, помимо необходимости и полезности, ещё и **приятность** или **эстетику** (адепты – В.А. Василенко, О.Г. Дробницкий, М.С. Каган, Д.А. Леонтьев, Н.О. Лосский, А.П. Огурцов, С.Л. Рубинштейн, В.П. Тугаринов, А.Г. Харчев, Б.А. Чагин и другие¹). Необходимость и полезность уголовного права как бы признана, минимум не подвергается сомнению, а вот связанное с ними свойство приятности почему-то пока не замечается и не акцентируется;

б) в юридической науке последних лет пробивается предложение о включении в методический аппарат правоведов **эмпатии** – установки на сопереживание, понимание эмоций других людей [8, с. 66]. Заявляется, что только эмпатичная личность может поставить себя на место другого человека и понять то, что он ощущает: грусть, радость, печаль, боль. Эмпатия позволяет проявлять заботу и сочувствие к другим людям, лучше взаимодействовать и строить отношения с окружающими. Замечу, что сам термин «эмпатия» был введён в научную литературу в начале XX века и первоначально ориентировался только на сферу искусств. Но со временем её понимание стало шире, и сейчас она рассматривается как сложный процесс синтеза эмоционального и когнитивного компонентов. Эмпатия позволяет эстетично воспринимать чувства другого человека, а затем рационально учитывать их и реагировать на них;

в) представители естествознания или суперрациональные люди, изучающие бесчувственные природные закономерности, тем не менее, тянутся к прекрасному. Послушайте: 1) «воображение важнее, чем знания. Знания ограничены, тогда как воображение охватывает целый мир, стимулируя прогресс, порождая эволюцию. Логика может привести Вас от пункта А к пункту Б, а воображение – куда угодно...» (А. Эйнштейн); 2) «...наряду с поиском знания

¹ См. подробности в нашей статье: [7].

ради высшего наслаждения, т.е. наряду с «наукой для науки», человечество ещё более теперешнего будет искать счастья в наслаждении всяческой красотой, т.е. в «искусстве для искусства» [9, с. 10]; 3) А. Пуанкаре – «истины нечего бояться, так как лишь она одна прекрасна»¹. Но что такое «истина» по определению знаменитого французского физико-математика? По его разумению, помимо «истины научной» нужно иметь в виду и «нравственную истину, одним из видов которой является то, что называют справедливостью»; 4) «физики» в трудных ситуациях апеллируют к универсалиям социальной мысли: общеизвестны кодексы нравственности, принадлежащие виднейшим представителям естествознания, которые сообразно предмету ведения, таланту и статусу первыми чувствовали надвигающийся техногенный Апокалипсис и потому страстно призывали современников и коллег облагородить НТП моральными святынями и творениями искусства, оформленными в виде манифестов (основатели Пагуошского движения Б. Рассел и А. Эйнштейн, российские академики А.Д. Александров [10, с. 22] и Д.С. Лихачёв [11, с. 218]), выдвинувшие по 10 нравственных установок или Декалогов для представителей науки, работающих на переднем крае человеческого разума, а «отец» советской водородной бомбы Ю. Харитон рекомендовал не сообщать властям более 5% нового знания (дабы последние не использовали их во вред обществу). Присовокупим в этот ряд и броские, но сильные высказывания швейцарского мыслителя-эссеиста XIX века А.-Ф. Амьеля («Мысль без поэзии и жизнь без возвышенного – это пейзаж без неба: среди него задыхаешься»)² и «нашего» Ю.М. Соломина («Без искусства нет народа»)³;

г) опору юриспруденции на искусство *косвенно* можно оправдать и тем, что сами мастера прекрасного удачно культивируют совмещение двух и более муз. Так, П.А. Федотов на вернисажах ярко декламировал собственное поэтическое пояснение сюжета и деталей самого известного полотна **«Сватовство майора»** (приведём лишь несколько строф: * Честные господа, Пожалуйте сюда! Милости просим, Денег не спросим: Даром смотри, Только хорошенько очки протри. * Начинается, Починается, О том, как люди на свете живут, Как иные на чужой счёт жуют. Сами работать ленятся, Так на богатых женятся. * Вот извольте-ко посмотреть: Вот купецкий дом, – Всего вдоволь в нём, Только толку нет ни в чём: Одно пахнет деревней, А другое харчевней. Тут зато один толк, Что всё взято не в долг, Как у вас иногда, Честные господа!...)⁴.

Нахожу этот пример доказательством выгоды сочетания сразу двух муз одним автором одного творения искусства – в чём прямой необходимости для приёмки картины социумом не было; а нам, смертным, обращение к раритетам и практике искусства показано не только как дополнительная опция либо излишество, но в качестве предельного и очень чувствительного душевного дезодоранта. Почему бы юристам в ходе лекций и в публикациях не фаршировать вынужденно казённый текст, настоянный на нормативизме, художественными вставками (в области уголовного права наиболее пригодны к этому разделы знаний о субъективной стороне преступления, необходимой обороне, причинно-следственной связи, посягательствах на личность и т.д.);

д) особо заявим потребность в приёме искусствоведческой пищи для поглощения казуистического правоведения студенчеством и полезности поставки им подобных витаминов усилиями ППС. Ведь период девичества и юношества – это время самоуверенных ожиданий обязательно блестящего будущего («воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится

¹ La valeur de la science – *фр.*

² Из дневника Анри Амьеля. По русскому изд. 1894 г. / Пер. на рус. – М.Л. Толстой; Предисловие Л.Н. Толстого. (<https://proza.ru/2016/06/24/1467> - дата обращения 11.05.2024)

³ Авторский блог Екатерины Глушик от 19.01.2024 г.: Из беседы с Ю.М. Соломиным. – https://zavtra.ru/blogs/yurij_solomin_bez_iskusstva_net_naroda (11.05.2024).

⁴ Поставим в ряд «смежников» и ставшие традиционными научные конференции в МГУ по несменяемой тематике «Эстетика научного познания», с материалами которых каждый может познакомиться и в электронной среде.

не позади, а впереди нас» [12, с. 215]) и буйства чувств, поиска объекта своего вожделения и концентрации внимания на нём вопреки грубой рациональности жизни, увлечения как прекрасным того, что пока доподлинно не изведано, но таковым кажется с первого взгляда, готовности заложить карьеру, судьбу и даже жизнь за идеал. Будем честны: тексты и лекции нынешних юристов в силу множества причин не доставляют «эстетического удовольствия» обучаемым, но последние принуждены демонстрировать лояльность нашим аудиторным и письменным поучениям лишь в силу статуса повинного сословия, которому предстоит сдача экзаменов и зачётов преподавателям. Иногда кажется, что нынешнее образовательное чиновничество требует от авторов курсовых и дипломных проектов ссылок на научную и учебную литературу только последних 5-ти лет исключительно по той причине, чтобы студенты, не дай Бог, не ознакомились с книгами юристов позапрошлого века и лично не удостоверились в безвкусице и примитивизме современных оракулов с научными степенями и званиями. Спаси и помилуй!

е) эстетика аргументов мысли и речи (письменной и устной) особо востребована для юриспруденции, ибо её мысли и по содержанию, и по форме объективно принуждены быть шаблонными и в этом отношении не вполне пригодными к творчеству и решению нестандартных задач – в силу того, что право есть «заведомо равная мера к заведомо неравным людям и обстоятельствам». Уголовное право же, которое обслуживает самые гнусные человеческие поступки и межличностные конфликты, пребывает в максимально ущербном положении, ибо оно ограничено в применении лишь одним письменным источником. Здесь, хочешь – не хочешь, но для гашения социальных неурядиц и сохранения гражданского мира в буйном общежитии нужно проявлять чудеса убедительности и изобретательности, изощрённого изящества, если хотите. Отсюда озарение, наитие, интуиция и пр. – способы преодоления замшелых, непреодолимых проблем типа акцессорности соучастия. Важно помнить и о священном долге вузовских преподавателей перед студенчеством или будущим страны, результатами мастерского обольщения которых предстоящим промыслом мы пока похвастаться не можем. В силу этого, проигрывая «бесчувственным» физикам в рациональности, точности и даже добросовестности познания, для терпимого восприятия социумом своего интеллектуального труда лирики вынуждены прибегать к иезуитской изобретательности – оценочным нормативам, политическим и избирательным технологиям, перманентно обновляемым идеологическим установкам, ссылкам на высказывания вождей и правящих партий как временных победителей политического соревнования, эвфемистике и даже фейкам. А это – искусство *sui generis*;

ж) весь мир, включая англосаксов, признаёт значимость и даже превосходства русской культуры и искусства. А известный интеллектуал юриспруденции из Питера, прославившийся самобытными блогами, к тому же отметил, что «цивилизацию можно понимать как определённый способ адаптации человека к окружающей среде. А культуру как информационную матрицу данной цивилизации... Я считаю, что культура (а искусство тем более и в первую очередь – А.Б.) входит в понятие цивилизации, является её духовной составляющей... О развитии той или иной цивилизации судят именно по памятникам культуры... Лидирующие сейчас в технологическом отношении нации кичатся своими успехами, но угроза глобальных катастроф заставляет задуматься: что останется от цивилизации, которая ничего не представляет, кроме технических усовершенствований. Прогресс нации определяется её духовными устремлениями! Стремление же ко всё большему комфорту – самый короткий путь к войне»¹.

Вне сомнения, самый ожидаемый, важный и вкусный фрагмент размышлений по обсуждаемой проблеме вправе титуловаться «**центральным**», ибо касается того, как инструментарий, идеалы и вообще практика искусства могут влиять на одухотворение

¹ Николай Кофырин – Новая Русская Литература – <https://www.nikolaykofyrin.ru> (дата обращения – 29.04.2023).

и конечную эстетику правовой науки. Естественные, но и запредельные, скажем откровенно, ожидания и настроения, поскольку юристы пока являются потребителями, но не производителями прекрасного (в XIX веке в подобных ситуациях наши предшественники эстетично оправдывались словами «в баталиях не участвовал, никого не покалечил и даже пороха не изобрёл»). Попробуем абрисно или в стиле попури наметить каналы влияния искусства на право:

1. Ориентационные поля и универсальные установки, частные технологии искусства и мотивы стремления к прекрасному, сервировку стола и способы гигиены труда творцов изящного, на наш взгляд, допустимо дифференцировать на **три группы**. Они олицетворяют как открытую сцену, так и закулисы созидательной деятельности мастеров искусства: а) личные, появляющиеся неожиданно, без приглашения и действующие на грани бессознательного позывы к творчеству – *воображение, интуиция, озарение, наваждение, наитие, наслаждение*; б) но для появления раритетов культуры нужны постоянная тяга и внутренняя готовность к высокому искусству, а не только инстинктивные побуждения к творчеству, потребна постоянная жизнь в кругу высших культурно-духовных ориентаций социума, которые на русском языке обозначаются словами «*вкус*», «*гармония*», «*идеал*», «*изящество*», «*индивидуальность*», «*красота*», «*ценность*», «*эстетика*», «*эталон*»; в) наконец, творчеству на уровне искусства способствуют различные рукотворные механизмы самовозбуждения, поддержания либо восстановления работоспособности типа «*ассоциаций*», «*импровизаций*», «*вдохновения*» или «*эвристики*», а равно искусственные погружения в протрацию в форме *катарсиса, сатори, нирваны*.

Не надо лишь путать указанные предельные состояния души, вызываемые представителями искусства для самовозбуждения к творчеству либо используемые ими для восстановления работоспособности, с «кайфом» золотой молодёжи, медитациями обывателей на сеансах Кашпировского и Чумака, сладкими фантазиями с закрытыми глазами Г. Вицина в фильме «Женитьба Бальзаминова» или кустарными наслаждениями русских помещиков эпохи крепостного права, которые любили, чтобы им «после обеда бабы пятки чесали» [13, с. 97].

2. Эстетика пробивается в юриспруденцию или находит отражение в ней посредством: а) инициативного обращения индивидов к универсальным категориям и технологиям искусства; б) именно творческого объяснения нестандартных правовых ситуаций, разрешение которых по закону возможно лишь с помощью неуклюжих типовых норм; в) вынужденного доведения необходимости и смысла правовых требований государства до разгневанных их существованием потребителей в наиболее доходчивой, привлекательной и даже изящной форме.

3. Конечно, искусство или творческие позывы, выходящие за пределы традиционного (как сегодня модно говорить) отраслевого «дискурса» в трудах юристов имеются¹. При подготовке статьи автор искал в библиотечных коллекторах издания с условной котирующей «Уголовно-правовые труды с привкусом искусства» и вот что обнаружил. Максимально точно и строго говоря, считать настоящими художниками мысли и слова (искусства) в уголовно-правовой науке можно считать **Эдуарда Эрастовича Перцова** с его «Искусством брать взятки» [14], **Петра Сергеевича Пороховщикова** – за общеизвестное руководство

¹ Автор считает долгом отметить, что работ по культурологическим основам уголовного права издано множество и принадлежат они А.А. Арямову, О.Н. Бибику, Ю.Д. Блувштейну, Ю.И. Бытку, Г.И. Волкову, Я.И. Гилянскому, Ю.В. Голику, М.С. Гринбергу, А.В. Грошеву, Ю.А. Демидову, А.П. Дьяченко, В.В. Есипову, Ю.А. Зюбанову, О.С. Капинус, И.И. Карпецу, Г.Л. Касторскому, В.Е. Квашису, Л.Р. Клебанову, И.Я. Козаченко, Л.В. Кондратьюку, А.Ф. Кони, Л.Л. Кругликову, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Кулыгину, А.А. Левенстиму, В.В. Лунееву, В.В. Лысенко, Г.В. Мальцеву, Е.В. Медведеву, К.К. Панько, В.В. Похмелкину, С.А. Приданову, О.В. Пычёвой, И.М. Рагимову, А.И. Ситниковой, А.В. Сумачеву, С.В. Тасакову, А.А. Тер-Акопову, А.В. Уссу, Г.С. Фельдштейну, Р.Д. Шарапову, С.В. Шевелёвой, Д.А. Шестакову, Н.В. Шигиной, Б.В. Яцеленко и другим видным учёным, а также членам Российской криминологической ассоциации имени А.И. Долговой.

под названием «Искусство речи на суде» [15], **Александра Григорьевича Звягинцева** – автора множества книг и талантливое популяризатора антикриминальной практики¹, **Анатолия Валентиновича Наумова** – за необычное исследование о судьбе А.С. Пушкина [16], **Валерия Григорьевича Беляева** – автора элитарно-энциклопедических трудов [17–18], **Никиту Георгиевича Иванова** – издавшего целую серию необычных по тематике и изящных по исполнению книг в форме рефлексий и бесед о нашей отрасли [19–21]; столичного художника **Алексея Меринова** – за талантливые и весёлые иллюстрации к Уголовному кодексу РФ [22]. Пусть простит нас читатель за вполне прогнозируемые упущения в списке правоведов, прославившихся заметными порывами к искусству, приняв в разумение пионерский уровень размышлений и узкоотраслевую дислокацию автора.

4. Невозможно удержаться от того, чтобы ни отметить важность и огромное эстетическое воздействие на участников различных симпозиумов юристов исчезающего искусства публичных профессорских пикировок. Лично я испытывал несравненное наслаждение от подобных сценических выступлений неперенных членов президиума множества научных собраний заслуженных деятелей науки РФ, профессоров **М.М. Бабаева** и **В.Е. Квашиса** и даже объявлял им в кулуарах, что ставлю их игровые вкрапления в дискуссии выше, чем написанные ими и самые читаемые поклонниками монографии.

5. Один из кумиров общественной мысли недавнего прошлого отметился запоминающейся фразой «**Подскажите правила хорошего думания**». Это я к тому, что чувствую себя обязанным предложить хотя бы общие стартовые, ориентировочные меры по повышению эстетической привлекательности юридической науки. Рискну: а) пробное введение в качестве минимального требования к диссертациям практики вкрапления в их тексты латинских изречений или аннотаций на латыни; б) условие принятия на работу в вуз профессора юриспруденции – чтение открытой лекции на заседании Учёного совета (практика России XIX века); 3) использование в научных исследованиях т.н. максимума «ориентационных полей» юридических и уголовно-правовых знаний, в том числе из арсенала искусств²; г) изменение структуры и котировки положений на защиту диссертаций (в некоторых зарубежных вузах они дифференцируются на три группы – являющиеся эксклюзивным продуктом мыслительного творчества исключительно автора, вносящие уточнения в уже заявленные позиции предшественников, требующие дальнейшей проработки в доктрине); д) организационное сопровождение и поддержка усилий индивидуалов и эстетов права (интеллектуальный клуб «Искусство науки» и его основные направления либо другие варианты).

Что касается примеров успешного использования в общей и отраслевой юриспруденции ориентаций и технологий искусства, ограничусь сообщением, оговоркой и обещанием. В период подготовки рукописи статьи автор созванивался и списывался со своими коллегами по России и пытался выпросить у них подобные сведения, но безуспешно. Надеемся на результаты предстоящих дискуссий в «Интеллектуальном клубе», предназначенном для поиска и доведения до сведения юристов примеров удачного культивирования в правовой доктрине интуиции, озарения, вкуса, эстетики, энциклопедичности, индивидуальности, изящества и т.д.

Лично автор пытался задействовать технологии создания шедевров прекрасного в таких «бермудских треугольниках», как: 1) определение фактического числа взяточников в стране методом деления ежегодной суммы мзды (экспертная оценка Генпрокуратуры) на среднюю сумму взяток по обвинительным приговорам судов (данные ВС РФ) – за год оно оказалось больше, чем жителей Китая и Индии вместе взятых; 2) загадочная ситуация с причинами возбуждения СК РФ уголовных дел в отношении казённых хищников и олигархических

¹ Все творения привести невозможно. Назовём маленькую, субъективно отобранную часть творческих книг: На веки вечные, романы из цикла «Сармат», Кофе на крови, Казусы истории, Палачи ада, Роковая Фемида, Неизвестная Фемида, Ветер возмездия, серия книг о Нюрнбергском и Токийском судебных процессах, Прокуроры двух эпох, Куда смотрит прокурор и т.д.

² Наше понимание данного средства см., например, в публикациях: [23–27].

мародёров только после того, как последние вывезли украденные авуары за кордон и сами с семьями оказались там – сопоставление объёмов вывезенного и оставшегося в стране капитала со связями указанных персонажей в правоохранительной и судебной системах, количеством иномарок при зданиях РОВД, СК, судов и пр.); 3) произведённые в нашем многотомнике¹ сопоставления медиан санкций УК РСФСР 1960 года и действующего УК РФ по 7 самым распространённым общеуголовным деликтам с коэффициентом преступности по ним за 1959 и 1995 гг. с надеждой, что криминологические данные хотя бы за последние годы перед принятием Кодексов будут учтены парламентами (надежды не оправдались – разрыв между двумя названными коррелянтами оказался очень впечатляющим).

Допустимые выводы: а) искусство науки – то, что противостоит, с одной стороны, задаваемой особенностями юридического промысла казёнщине, а с другой – появившемуся на горизонте «искусственному интеллекту», нацелено на творчество или такой намеренный выход за рамки банальностей и практицизма, который не противен логике науки и её местоположению в общественной системе разделения труда, покоится на индивидуальности мыслящего субъекта, стремится к идеальному, отличается изяществом, представляет особую ценность познавательной активности для учёных и социума;

б) насколько простолюдины и учёные грешны, настолько же они и нуждаются в омоложении прекрасным. Основные технологии и культовые результаты искусств могут и должны служить очистительной (нравственной и духовной) подушкой сциентизма;

в) основной раздражитель и мотив хотя бы временного или парциального ухода юристов из пресного мира штампованных нормативных текстов и типовых правил в царство прекрасного – шаблонность их мысли и публикаций, обусловленная предметом и задачами профессиональной деятельности, а дополнительный – вызывающая нестыковка статичного типового права с динамичной индивидуальной жизнью;

г) очередную эпоху оголтелого модернизма в искусстве и его намеренного противопоставления классике следует считать модным «гримом времени», болезненным поветрием, вызванным кардинальным обновлением страны и общественными психозами, не ставящими под сомнение важность искусства вообще для очеловечивания социальной мысли и практики. Краткосрочная непогода минет и в дело вступят долговременные климатические закономерности по нетленному правилу «до греха она была чертовски хороша, а после искушения её привлекательность враз исчезла»;

д) прежде говорили: «нельзя научиться хотеть», «кому нравится поп, а кому – его аппетитная попадья», «нет лавки, в которой бы продавался ум»... Добавим: нельзя купить (даже если захочется или понравится мысль о подобной инвестиции) способность к самостоятельному художественному творчеству, но расположение к «чужому» прекрасному и трансляция этого впечатления на собственный рутинный промысел точно облагородит профессиональную деятельность любого юриста. Культивируемая (пока и к сожалению) только отдельными юристами инкрустация статей и речей посредством игривого представления порционных частей текстов и выступлений тонкими афоризмами эстетов мысли и слога, а также вкрапления латинизмов и народных присловий – сродни услужливому, с замедленным учтивым поклоном открытию двери дома милому для сердца гостю. Ведь «не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту» (Л. Н. Толстой), ведь «лондонские туманы не существовали, пока их не открыло искусство (О. Уайльд);

е) «что мешает писателю?» – рассуждал *Э. Хемингуэй*, – и отвечал так: «выпивка, женщины, деньги и честолюбие... А также отсутствие выпивки, женщин, денег и честолюбия». По капризу диалектики одни и те же обстоятельства как мешают, так и потворствуют проявлениям порывов к искусству в юриспруденции, и мы это пытались показать в тексте;

¹ Подробности в книге: [28].

ж) пока юридические исследования в Отечестве отличаются мелкотемьем, тяжеловесным академизмом, метанием между оголтелой критикой законодательства и верноподданнической лирой, но никак не приближаются к творениям Ч. Беккариа и А. Ф. Кони, Н. С. Таганцева и В. Г. Беляева..., от прикосновения к которым душа переполняется чувствами восхищения прошлым и зависти от искусности прислужников Фемиды и Немезиды тех времён. Да и приказной, трафаретный стиль постановлений Пленума Верховного Суда РФ далёк от изысканности текстов решений и наставлений кассационных департаментов Правительствующего Сената и тем законно отдаляет перспективу возвращения актам толкования закона высшей судебной инстанции страны статуса «руководящих» или «обязательных» напутствий;

з) Президент США Р. Рейган останется в истории мысли изобретателем неубиваемой сентенции, будто **«все сторонники абортов – люди, успевшие родиться»**. Она пригодна для дискуссии и применения ко многим областям общественной практики и научной деятельности, а для завершения нашей беседы может служить противоядием отказу сциентистов от подпитки своего творчества классическим искусством. Будем критически относиться к издателям привилегированных журналов и аттестационным учреждениям науки, культивирующим преклонение перед строгим соблюдением дисциплинарных границ знания и пиетет перед казуистичностью стиля.

Ординарный профессор Харьковского университета Леонид Евстафьевич Владимиров, основатель первых в России курсов по обучению журналистов в начале XX века, достаточно убедительно и красиво изложил стратегию движения к этому: «идеальное (или «человеческое») наказание не должно превышать «пределов выносимости людей известной эпохи», иметь перед собой «разумную цель» и не обездоливать, «без совершенно неизбежной необходимости, целые группы людей, тесно связанных с наказанным преступником» [29, с. 93]. Вот и уголовное право целиком и постоянно нуждается в «очеловечивании» – сообразно всё новым условиям окружающей его среды и с опорой на эстетику искусств. При положительном исходе настоящего начинания есть смысл заняться анализом конкретных способов, каналов и ориентиров воздействия классического искусства на теорию и практику борьбы с преступностью – ассоциаций, вдохновения, вкусов, воображения, гармонии, идеалов, изящества, импровизаций, индивидуальности, интуиции, катарсиса, красоты, наития, наслаждения, озарения, творчества, ценностей, эвристики, эстетики, эталонов.

Одно «но»: лишь бы «добрые» люди не усмотрели в нашем начинании и анонсированном продолжении мудрствований о каналах созвучия науки с искусством (посредством будущих заседаний Интеллектуального клуба) попытку создания вольнодумной организации типа «Общества предвкушения гармоний будущего» либо «Общества чарующих движения воды», о которых упоминал великий пересмешник России М.Е. Салтыков-Щедрин. Лишь бы наши мысли по сегодняшней, самостоятельно поднятой теме не были облихованы в административном порядке. Кстати, во время предыдущей 2-х часовой открытой лекции автор даже страховался тем, что на демонстрационном экране постоянно пульсировал маячок **18+** – сами знаете, что означает сей маркер для публичных представлений современных «культурных творений»; да и воспринимается любое действие с такой аттестацией интригующе и заманчивее, вызывает страстные ожидания необычности.

Апостол Павел учил, что **«девственность не предписывается, а только рекомендуется»**. Самых привередливых читателей просим считать нашу статью неким «пробным шаром», декольте или той частью платья, ради которой оно и шьётся, лакмусовой бумажкой для исследования проблем качества и социальной терпимости юридического регулирования и, особенно, уголовного преследования, приглашением к совместному анализу завораживающего процесса воздействия эстетических ценностей искусства на правоведение. Ведь согласно меткому наблюдению заслуженно цитируемого всеми М.Е. Салтыкова-Щедрина всяк, «кто считает карьеру свою далеко не оконченную, когда проезжает мимо Сената, то всегда хоть одним глазком да посмотрит на него» [30, с. 318].

«Даже самые красивые и длинные ноги где-то да заканчиваются!» (Е.С. Лец). Пора прекращать разговор с будущим читателем. Автор не был бы собой, если не завершит статью соосным теме подобным умозаключением – одновременно нацеленным на прекрасное, томительным и загадочным, двусмысленным и в чём-то искусным. Хотя фантомный михалковский мичман «Криворучко» из телепередачи «Бесогон» в двери моего кабинета пока не скребётся, а читатели текста, принуждённые к срочному прекращению знакомства с ним в силу различных обстоятельств, всегда могут продолжить занятие попозже, в том числе для подготовки критических отзывов. Sapienti sat¹.

Список источников

1. Герцен А.И. Былое и умы / Предисл. В.А. Путинцева. Примеч. Н.П. Анциферова. Оформление М. Большакова. – М.: «Дет. лит.», 1973. – 576 с.
2. Зощенко М.М. Разнотык: Рассказы и фельетоны (1914-1924) // Собрание сочинений. Состав., вступ. ст. и примеч. И.Н. Сухих. – М.: Время, 2008. – 848 с.
3. Бойко А. И. Культурная оснастка уголовно-правовой доктрины: потребность и основные параметры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 135–142. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-135-142>
4. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др.; Общая ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 735 с.
5. Письмо Успенского Успенской А.В. 10 мая 1872 г. // Успенский Г.И. Полное собрание сочинений: в 14 т. [ред. Н.Ф. Бельчиков и др.]. Т. 13. Письма. 1849-1886. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 704 с.
6. Развивайте дар слова: Факультативный курс «Теория и практика сочинений разных жанров (VII-VIII кл.)» / [Ю.И. Равенский, П.Ф. Ивченков, С.А. Никольская и др.]; Сост. Т.А. Ладыженская и Т.С. Зепалова. – М.: Просвещение, 1977. – 176 с.
7. Бойко А. И. Проблема ценностей в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 117–129. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>
8. Трикоз Е.Н. К вопросу о методах познания права // Современные проблемы правоведения: Сборник научных трудов. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. С. 60-67.
9. Мечников И.И. Этюды оптимизма / ред. и послесл. [с. 294-333] проф. И. Е. Амлинского; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1964. – 339 с.
10. Александров А.Д. Нравственная роль науки // Проблемы повышения эффективности научно-исследовательской работы: Материалы к науч.-практ. конф.. Часть 3. – Новосибирск [б.и.], 1968. – 226 с.
11. Лихачев Д.С. Раздумья: [Для сред. и ст. шк. возраста] / Дмитрий Сергеевич Лихачев. – М.: Дет. лит., 1991. – 316 с.
12. Сороковые годы XIX века: В мемуарах современников, документах эпохи и худож. произведениях / [Сост., авт. предисл. и пояснит. заметок Я. Эльсберг]; [Подготовка текста и примеч. Ю. Манна]. – М.: Детгиз, 1959. – 430 с. (М.Е. Салтыков-Щедрин).
13. Чехов А.П. Пассажир первого класса, 1886 г. // Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 5: Рассказы, юмористическая смесь. 1886-1887. – М.: Издательство «Правда», 1985. С. 97-103.
14. Перцов Э.П. Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах умершего титулярного советника Тяжалкина. – СПб.: В типографии Н. Греча, 1830. – 74 с. (репринт: М.: Центрполиграф, 2017).
15. Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – М.: Юрид. лит-ра, 1988. – 380 с.
16. Наумов А.В. Посмертно подсудимый: [Об А. С. Пушкине]. – М.: Рос. право: МП «Вердикт», 1992. – 335 с.
17. Беляев В.Г. Применение уголовного закона: Учебное пособие. 2-е изд-е. – М.: Издательский дом «Юпитер», 2006. – 445 с.;
18. Беляев В.Г. Уголовное право. Заметки доцента. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2003. – 395 с.

¹ Умный поймёт (лат.).

19. Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности: Учеб. пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
20. Иванов Н.Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь (рефлексии профессора Иванова). – М.: Юрлитинформ, 2018. – 144 с.;
21. Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 143 с.
22. Иллюстрированный Уголовный кодекс Российской Федерации: в рисунках Алексея Меринова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 516 с.
23. Бойко А.И. Реформы, идеология и мировоззренческая культура правоведения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 3. С. 6-20;
24. Бойко А.И. Ориентационные поля уголовно-правовых знаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. С. 75-78.
25. Бойко А.И. О нравственно-антропологическом измерении уголовно-правовых знаний // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск: Акад. МВД, 2015. С. 208-216.
26. Бойко А.И. О многогранности юриспруденции и юристов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 2. С. 150-154.
27. Бойко А.И., Сашенко А.А. Прошлое и будущее отечественной уголовно-правовой доктрины // Спутник высшей школы: Межвузовский научный журнал. 2021. № 1. С. 18-39.
28. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3 т. Том II: Системная среда уголовного права. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 640 с. (С. 11-14).
29. Владимиров Л.Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. – 256 с.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. – М.: Правда, 1984. – 639 с.

References

1. Herzen A.I. *Past and Minds*/ Preface. V.A. Putintseva. Remark. N.P. Antsiferova. Form of M. Bolshakova. Moscow: «Det. Lit.»; 1973. 576 p. (In Russ.)
2. Zoschenko M.M. *Schlostyk: Stories and Felletons (1914-1924)*. Works collection. Composition, come. Art. and Note. I.N. Sukhykh. Moscow: Time; 2008. 848 p. (In Russ.)
3. Boiko A. I. Cultural equipment of the criminal law doctrine: the need and the main parameters. *North-Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):135–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-135-142>
4. Bernal J. Science in the history of society. Transl. from English by A. M. Vyazmina et al.; General Ed. B.M. Kedrova, I.V. Kuznetsov. Moscow; 1956. 735 p. (In Russ.)
5. Letter of Uspensky for Uspensky A.V. May 10, 1872 g. In: *Uspensky G.I. Complete collection of works*: 14 vol. (ed. N.F. Belchikov et al.). Vol. 13. Letters. 1849-1886. Moscow: Russian Academy of Sciences; 1951. 704 p. (In Russ.)
6. *Develop the gift of the word: Optional course «Theory and practice of compositions of different genres (VII-VIII cl.)»*. Yu.I. Ravensky, P.F. Ivchenkov, S.A. Nikolskaya, etc.; Host. T.A. Lady-feminine and T.S. Zepalova. Moscow: Enlightenment; 1977. 176 p. (In Russ.)
7. Boiko A.I. The problem of values in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):117–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-117-129>
8. Trikoz E.N. On the question of methods of knowledge of law. In: *Modern problems of law-making: Collection of scientific works*. Krasnodar; June 1998:60–67. (In Russ.)
9. Mechnikov I.I. *Optimism Studies*. Ed. and Postsla. (p. 294-333) Prof. I. E. Amlinsky; Acad. Sciences of the USSR. Moscow: Nauka; 1964. 339 p. (In Russ.)
10. Aleksandrov A.D. Moral role of science. In: *Problems of increasing the efficiency of research work: Materials to science.-practical. conf. Part 3*. Novosibirsk; 1968. 226 p. (In Russ.)
11. Likhachev D.S. *Pondering*. Moscow: Det. Lit; 1991. 316 p. (In Russ.)

12. *Forties of the XIX Century: In the memoirs of contemporaries, documents of the epoch and artists. Works. Essay., Avt. preface. and explain. notes by J. Elsberg; Preparation of text and note by Y. Mann.* Moscow: Detgiz; 1959. 430 pp. (M.E. Saltykov-Shchedrin). (In Russ.)
13. Chekhov A.P. Passenger first class, 1886. In: *Collection of essays in 12 vol. Volume 5: Stories, humorous mixture. 1886-1887.* Moscow: Pravda; 1985:97–103. (In Russ.)
14. Pertsov E.P. *Art of taking bribes. Manuscript found in the papers of the dead titu-liar advisor Tya-zhylin.* Saint Petersburg; 1830. 74 pp. (reprint: Moscow: Center-polygraph, 2017). (In Russ.)
15. Gunmen P.S. *Art of speech at the court / P. Sergeich.* Moscow: Yurid. Lit; 1988. 380 p. (In Russ.)
16. Naumov A.V. *Posthumously Defendant: [About A. S. Pushkin].* Moscow: Ros. Parvo: MP «Verdikt»; 1992. 335 p. (In Russ.)
17. Belyaev V.G. *Application of the Criminal Law: Training Manual.* 2nd edition. Moscow: Jupiter; 2006. 445 p. (In Russ.)
18. Belyaev V.G. *Criminal Law. Notes of the associate professor.* Volgograd; 2003. 395 p. (In Russ.)
19. Ivanov N.G. *Anomalous Subject of Crime: Problems of Criminal Responsibility: Study. Manual for universities.* Moscow: Zakon I pravo, UNITY; 1998. (In Russ.)
20. Ivanov N.G. *Conversations about crime and punishment within the limits of criminal law and not only multiplying sorrow (reflexes of Professor Ivanov).* Moscow: Yurlitinform; 2018. 144 p. (In Russ.)
21. Ivanov N.G. *Model Criminal Code: General Part. Opus 1: Monograph.* Moscow: UNITI-DANA, Zakon I parvo; 2003. 143 p. (In Russ.)
22. *Illustrated Criminal Code of the Russian Federation: in Alexei Merinov's drawings.* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2013. 516 p. (In Russ.)
23. Boiko A.I. Reforms, ideology and world view culture of law. *Legal policy and life.* 2004;(3):6–20. (In Russ.)
24. Boiko A.I. Orientation fields of criminal law knowledge. In: *Criminal law: strategy of development in the XXI century: materials of the XII International scientific and practical conference (29-30 January 2015).* Moscow: RG-Press; 2015:75–78. (In Russ.)
25. Boiko A.I. On the moral and anthropological dimension of criminal law knowledge. In: *Ethical and anthropological characteristics of modern law in the situation of methodological and dological pluralism: V.I. Pavlov, A.L. Savenka (eds.).* Minsk; 2015:208–216. (In Russ.)
26. Boiko A.I. About multifaceted jurisprudence and lawyers. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2017;(2):150–154. (In Russ.).
27. Boyko A.I., Sashenko A.A. Past and future of the domestic criminal-legal doctrina. *Satellite of high school: Interuniversity scientific journal.* 2021;(1):18–39. (In Russ.)
28. Boyko A.I. *System and Structure of Criminal Law. Vol. II: System Environment of Law.* Rostov-on-Don; 2007. 640 p. (P. 11–14). (In Russ.)
29. Vladimir L.E. *Criminal legislator as an educator of the people.* Moscow; 1903. 256 p. (In Russ.)
30. Saltykov-Shchedrin M.E. *Benevolent speeches.* Moscow: Pravda; 1984. 639 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. I. Boiko – Doctor of Lawyer Sciences, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 28.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 28.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.